

А.А. Потебня

**О некоторых символах в
народной поэзии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П64

П64 **Потебня А.А.**
О некоторых символах в народной поэзии / А.А. Потебня – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 162 с.

ISBN 978-5-458-01107-5

ISBN 978-5-458-01107-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

По мѣрѣ, какъ забывается упомянутое соответствие между значеніемъ корней словъ объясняемыхъ и объясняющихъ, ослабляется и связь между ними: постоянные эпитеты и пр. переходятъ къ словамъ, которыя означаютъ то-же понятіе, но по другому признаку. Такъ, въ выраженіи «черныя грязи» прилагательное не имѣетъ ничего общаго съ корнемъ грязъ — грѣзъ, по которому было бы приличнѣе назвать грязи топучими, что и встрѣчаемъ въ произведеніяхъ народной поэзіи; «черный» перешло, вѣроятно, къ сл. «грязь» отъ другого слова, напр. отъ сл. калъ, выражающаго впечатлѣніе чернаго цвѣта.

Въ тѣхъ способахъ выражать символъ, какіе застаемъ въ народной поэзіи, видно тоже стремленіе къ потерѣ изобразительности слова и связи поэзіи съ языкомъ. Простыя формы смѣняются сложными, но не замѣняются ими вполне. Главныхъ отношеній символа къ опредѣленному три: сравненіе, противоположеніе и отношеніе причинное. а) Сравненіе выражается въ народной поэзіи или такъ, что символъ вполне соответствуетъ своему предмету, или такъ, что между тѣмъ и другимъ полагается нѣкоторое различіе. Въ полномъ сравненіи символъ является то приложеніемъ (конь — соколъ), то обстоятельствомъ въ творит. пад. (зегзицею кычетъ), то развитымъ предложеніемъ. Въ последнемъ случаѣ сравниваемое можетъ подразумеваться, или — быть развито до такой степени, какъ и символъ. Помимо перваго можетъ служить пѣсня Крамледворской ркп. «Ach ty róže, krasna róže! Čemu si rano rozkvetla, rozkvetawši pomrzla, pomrzawši uswědla, uswědewši

opadla?» и вслѣдъ за тѣмъ слова дѣвицы, которая сравнивается съ розою; примѣромъ втораго — двустипіе: «Грушице моя! чомъ ти не зеленая? Милая моя! чомъ ти не веселая?» въ которомъ каждому слову первой половины соответствуетъ слово второй. Символь, какъ приложеніе, сливается съ обозначаемымъ въ одно цѣлое, а творительный падежъ напоминаетъ превращенія: то и другое можетъ быть отнесено къ тому времени, когда человекъ не отдѣлялъ себя отъ вышней природы. Сравнительно позже появился параллелизмъ выраженія: онъ указываетъ на затемненіе смысла символовъ, потому что если эти послѣдніе понятны, то и объяснять ихъ не-зачѣмъ. Еще болѣе позднимъ кажется выраженіе символа въ видѣ полнаго или сокращеннаго придаточнаго предложенія съ сравнительнымъ союзомъ (напр. въ Кр. ркп. јако зоза, јако luna): присутствіе союза доказываетъ, что между сравниваемыми предметами ставится большое различіе, и напоминаетъ приемы искусственнаго языка.

Формъ отрицательнаго сравненія тоже нѣсколько. Въ Сербскихъ пѣсняхъ довольно часто употребляется такой оборотъ: предпосылается символъ въ видѣ положенія или вопроса, и вслѣдъ за тѣмъ отрицается, а на мѣсто его ставится обозначаемый предметъ, напр. Надви се облак изнад дјевојак'; То не био облак изнад дјевојак, Већ добар јунак тражи дјевојак', (Срп. пјес. I. 2); Шта се сјаји кроз гору зелену? Да л'је сунце, да л'је јасан месец? Нит'је сунце, ни ти јасан месец, Већ зет шури на војводство дође (ib. 13.). Сербскія, а особенно Вѣлкорусскія пѣсни опускаютъ сравненіе положитель-

ное и начинают съ отрицанія: «не...а». Безъ сомнѣнія такое сравненіе съ отрицаніемъ предполагаетъ положительное, а потому новѣе послѣдняго.

б) Противоположеніе символа предмету не чуждо Влкрпѣснямъ, но, если не ошибаюсь, чаще встрѣчается въ Малорусскихъ. Обыкновенная форма такая-же, какъ и въ развитомъ положительномъ сравненіи, и отношеніе сопоставленныхъ предложеній, при отсутствіи союза, можетъ легко быть принято за сравнительное, какъ напр. въ слѣдующихъ мѣстахъ: «Надъ горою високою голуби літають: я роскоши не зазнала, а літа минають». (Нар. Южнор. п., изд. Метл. 59); «Ой гили, гила, сизі голубоньки на високе літання: Та уже важко, мое серденько, та зъ тобою горювання» (ib. 102); «Ой з-за гори из-за кручи орли влітають: Не зазнаю я роскоши,—вже й літа минають» (ib. 106). Высокое летанье птицъ имѣетъ смыслъ ничѣмъ не стѣсняемой свободы; Чеш. *bujeti*, Пол. *bujać*, Русс. ширять, парить, значать не только высоко, но и привольно летать. Такому ширянью противопоставляется горе, стѣсненное положеніе чловѣка, отсутствіе роскоши, т. е. раздолья, свободы, что, разумется, предполагаетъ сравненіе счастливаго чловѣка съ высоко летицею птицею. И этотъ приѣмъ позже сравненія. Кромѣ сложности формы, можно думать такъ и потому, что въ противоположеніи таятся мысль о равнодушій природы къ страданіямъ чловѣка, о разладѣ послѣдняго съ дѣйствительностью, мысль естественная въ устахъ современнаго намъ поэта, но слишкомъ печальная для первобытній эпической поэзіи.

с) Причинное отношеніе тоже раждается изъ сравненія. Такъ, во многихъ народныхъ медицинскихъ средствахъ можно распознать снѣволы выздоровленія, или болѣзни: пораженное сибирскою язвою мѣсто очерчиваютъ выпавшимъ изъ сухой сосны сучкомъ, чтобы уроки, призоры и пр. посухали, какъ сучья и корни у сухой сосны (Этн. оч. Ю. С. Гул. 53); рожу лечатъ выстѣпаньемъ огня и прикладываньемъ краснаго сукна на больное мѣсто, потому что рожь сближается въ языкѣ съ огнемъ и краснымъ цвѣтомъ. Вообще символизмъ доживаетъ свой вѣкъ въ подобныхъ сложныхъ формахъ; онъ долго живетъ въ примѣтахъ, симпатическихъ леченьяхъ и другихъ предразсудкахъ, послѣ того, какъ исчезнетъ въ высшихъ формахъ народной поэзіи.

Такъ — какъ символизмъ есть остатокъ незапамятной старины, то встрѣтить его можно преимущественно тамъ, гдѣ медленнѣе происходитъ отдѣленіе мысли отъ языка, куда медленнѣе проникаетъ новое. Какъ ни стары инныя былины, пѣсни юнацкія, все-же онѣ, съ немногими исключеніями, всѣмъ своимъ содержаніемъ относятся ко временамъ историческимъ. Жизнь, въ нихъ изображенная, есть жизнь столкновенія и борьбы народовъ, жизнь прогресса, быстро приводящая въ забвеніе старину и возсоздающая ее въ новыхъ формахъ. Вообще мысль мужины шире, подвижнѣе, измѣнчивѣе, въ силу новыхъ, входящихъ въ нее, стихій, чѣмъ мысль женщины, заключенной въ кругу медленно измѣняющагося домашняго быта, болѣе близкой къ природѣ и неподвижному разнообразію ея явленій. Женщина —

преимущественно хранительница обрядовъ и повѣрствъ давно застывшаго и уже непонятнаго язычества. Оттого связь съ языкомъ и символизмъ, характеризующіе женскія пѣсни, встрѣчаются въ мужскихъ въ гораздо меньшей степени. Символизмъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ постороннихъ вліяній, а потому онъ необходимѣе и яснѣе у Русскихъ и Сербовъ, чѣмъ въ пѣсняхъ Чеховъ, Лужичанъ, Хорутанъ, Поляковъ. Эстетическое достоинство произведеній народной поэзіи падаетъ вмѣстѣ съ символизмомъ и отъ тѣхъ-же причинъ: между прочимъ — отъ уменьшенія числа людей, для коихъ языкъ и произведенія народной словесности главныя средства развитія. Правда, превосходныя Сербскія историческія пѣсни и нѣкоторыя Млр. думы доказываютъ, что и при отсутствіи символовъ возможны высокія народныя произведенія, если между классами народа нѣтъ рѣзкаго различія и если вся масса народа достигнетъ известной степени воодушевленія; но воодушевленіе проходитъ, масса народа разъединяется, и снова начинается процессъ паденія народной словесности.

Въ настоящее время многія Малороссійскія пѣсни, еще прекрасныя по частностямъ, не представляютъ никакого внутренняго единства. Онѣ, очевидно, механически сшиты изъ отдѣльныхъ двустихій и четверостихій, которыя встрѣчаются въ другихъ пѣсняхъ, поются и сами по себѣ. Однѣ изъ этихъ короткихъ пѣсенекъ — параллельныя выраженія съ правильно-употребленнымъ символомъ; въ другихъ символъ поставленъ случайно, по привычкѣ; въ третьихъ онъ цѣль символъ или его объ-

ясненіе, которое теперь было бы вовсе не лишнимъ. Пол. краковьяки, кажется, были прежде параллельными выраженіями, какъ Малорусскія «уличныя» и «коломыйки», но теперь представляютъ гораздо большую степень разложенія, чѣмъ эти послѣднія. Нѣкоторые изъ нихъ—наборъ словъ, утратившій всякій смыслъ: «Kamień na kamieniu, na kamieniu kamień, A na tém kamieniu jeszcze jeden kamień».

Привода въ порядокъ немногіе собранные мною матеріалы, я старался не упускать изъ виду символики съ языкомъ, и располагалъ символы по единству основнаго представленія, заключеннаго въ ихъ названіяхъ. Въ частныхъ случаяхъ я могъ ошибаться, но вѣрно то, что только съ точки зрѣнія языка можно привести символы въ порядокъ, согласный съ воззрѣніемъ народа, а не съ произволомъ пишущаго.

Огонь. Свѣтъ. Еслибъ мы не знали, что божества огня и свѣта занимали важное мѣсто въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, то могли бы убѣдиться въ этомъ изъ обилія словъ, имѣющихъ въ основаніи представленія огня и свѣта.

Какъ душа и жизнь, такъ и частныя проявленія жизни: голодъ, жажда, желаніе, любовь, печаль, радость, гнѣвъ представлялись народу и изображались въ языкѣ огнемъ. Слова, первоначально примѣняемыя къ нѣсколькимъ понятіямъ, напр. и къ желанію, и къ

печли, съ теченіемъ времени становятся опредѣленнѣе, начинаютъ обозначать одно извѣстное понятіе. Дисциплинирующая сила языка дѣйствуетъ при этомъ по правиламъ часто совершенно для насъ непонятнымъ. Прямьромъ этого, какъ кажется, произвольнаго разграниченія тождественныхъ по основному признаку словъ могутъ служить названія пищи и питья, голода и жажды. Что пища и питье роднятся между собою въ языкѣ, видно изъ слѣдующаго: сл. пища происходитъ отъ пи — ти съ суффиксомъ, ставшимъ согласною корня. Отъ предполагаемой формы питити — Млр. питимий, кормящій: Млр. «питимая матінка» можно буквально перевести: «кормилица матушка». Суф. — имый имѣетъ здѣсь дѣйствительное значеніе, какъ въ родимый. Отъ соутн, литъ, происходятъ: сытый, накормленный, отличаемое обыкновенно отъ пьяный и сопоставляемое съ нимъ послѣднимъ, и сыта (медовая), слово, означающее собственно жидкость и по такимъ-же неизвѣстнымъ причинамъ отнесенное къ меду, какъ слова квасъ (ср. киснуть, мокнуть, Серб. киша, дождь) и пиво къ своимъ понятіямъ. Въ одной Лужицкой пѣснѣ, наоборотъ, вода названа съѣстною: *Póscel jeho ro wodu, ro tu wodu jadomnu* (Haupt. I. 145). Средство голода и жажды видно въ нѣсколькихъ словахъ. Ст.-Слв. жльдьнь, тождественное по корню съ Русс. голоденъ, въ Серб. жудан получаетъ значеніе жаждущаго. Смага, близкое къ смажить, жарить, значить въ Смол. губер. жажда, а въ Псков. — позывъ на пищу. Пол. *pragnac, pragnienie*, жажда, Стар. Русс. пражу, жажду (Азбук. въ Ск. Р. Н.), образовалось

отъ значеніи Пол. ргаꙗꙋѣ, Млр. прыгти (гдѣ и указываетъ, можетъ быть, на старинное ж), жарить. Самое жажда (кор. жажд) можетъ быть сродно съ кор. жег. То-же подтверждаютъ выраженія: «ѣсть хочется, а пить — какъ душу выжгло» (Бул. Посл. въ Арх. Кал. кн. II. ч. 2); «Ты бѣ жаждущимъ утробъ охлажденіе (Илар. о Зак. благ.); «гладомъ таати» (Варл. и Иосафъ приб. къ Лит. Ист. Стар. нов. и пр. Пып.). Таять, кромѣ обыкновеннаго значенія, имѣетъ и теперь еще на Сѣверѣ другое, горѣть; совершенно такъ, какъ топить: «затаили свѣцу воску ярово (Пам. и обр. 414); отсюда Млр. потала (въ выраженіи «звѣрю на поталу») — пожраніе, жертва. Какъ жрать, ѣсть — одного корня съ горѣть, такъ Пол. роꙗуваѣ, ѣсть, по связи жизни съ огнемъ, можетъ въ основаніи имѣть представленіе огня, который, по пословицѣ, хуже вора, потому что «воръ воруетъ, хоть стѣны оставитъ, а пожаръ все пожираетъ» (Бул. Посл.). Нѣкоторые слова, означающія желаніе, прямо примыкаютъ къ понятію голода и жажды, а черезъ нихъ къ горящему внутри челоуѣка огню. Таковы Ст.-Слв. жадати, Пол. жадаѣ, ргагнаѣ, желать. Другія — не имѣютъ видимой связи съ голодомъ и жаждою, но относятся къ огню.

Желать сродно съ жалить, жалть и горѣть, о чемъ память сохранилась въ пословицѣ: «Ярко желаютъ, да руки поджигаютъ» (Бул. Посл.). Млр. и Влр. бажать, сильно желать, имѣетъ при себѣ Млр. багатья, горячіе угли, жарь. Даже горѣть могло принимать значеніе желать, какъ можно заключать изъ слѣдующаго. Въ Млр. двичьей игрѣ «въ горю-дуба»

(или «въ горю пня», Псков. огарыши, горѣлки), дѣвушка, ставшая горѣть, говорить: «горю, горю дубъ (или пень)». Одна изъ двухъ, ставшихъ противъ нея, спрашиваетъ: «чого-жь ти горишь? — «Красноі панни!» — «Якої?» — «Тебе молодой» и пр., за тѣмъ тѣ двѣ бѣгутъ, а горѣвшая ловить (Дни и мѣс. Укр. посел., Максимовича, Русс. Бес. 1856 г. III.). Родительный п. при горѣть показывается, этотъ глаголъ значить здѣсь не ловить — бѣгать, какъ можно думать по связи огня и быстроты, а скорѣе желать, любить. Любовь есть желаніе, почему Псков. жаланый — любезный, желанный — любезный, милый (Орл. Туль.), ласковый, добрый (Моск. Олон.); Твер. жадный, милый; во многихъ Сѣв. губ. бажоный, миленькій. Костр., Олон. Тамб. бажать-ка — крестный отецъ, крестная мать, можетъ быть потому, что излюблены, выбраны, въ противоположность роднымъ. Связь любви съ огнемъ выводится и изъ сближенія красоты съ огнемъ, о чемъ — ниже. Въ названіяхъ печали я не замѣтилъ доказательствъ связи этого чувства съ жаждою — голодомъ; связь съ огнемъ — ясна. Печаль отъ печь, слово неупотребительное въ Млр., въ замѣнъ чего Млр. журба имѣетъ постоянный эп. пекуча. Журба, слово близкое по формѣ къ Чеш. žiřiti, свирѣять, одного корня съ горѣти — жрѣти: у есть усиленіе глухаго звука (ср. муравей — мѣравій). Жаль — горе тоже однородны съ горѣть, равно какъ обл. на-зола, грусть, близкое къ зола, (ср. пепель — удвоенная форма отъ плати, но и безъ предл. по — все-таки продуктъ горѣнія), золь, вмѣщающему другую форму горшій. Скорбь имѣетъ при

себѣ заскорбнуть, засохнуть, скорблый, сухой. Сухота (Моск. и Млр.), забота, печаль отъ сухъ, откуда довольно рѣдкій Млр. гл. сушувать, горевать (Эгн. Сбор. I. 357), и обыкновенное Млр. сушить — вялить (о горѣ). Какъ въ языкѣ, такъ и въ народной поэзіи понятія желанія, любви, печали сродны между собою, потому что выражаются въ однихъ и тѣхъ-же образахъ внутренняго и вѣшняго огня. Какъ сл. утолить, напр. голодъ, жажду, имѣетъ въ основаніи понятіе огня (тлѣть, объ огнѣ), хотя выражаетъ его утишеніе, усмиреніе; такъ питье и ѣда, усмиряющія жажду и голодъ, служатъ символами упомянутыхъ сродныхъ съ огнемъ чувствъ.

а) **Питье.** Пить воду значитъ желать, стремиться, какъ можно догадываться изъ слѣдующаго: «Край твого броду пье сивий кінъ воду; Просилася мила та до своего роду» (Метл. 244). Конь пьетъ отъ жакды, какъ просьба — слѣдствіе желанія; «край броду», потому что бродъ — средство сообщенія раздѣленныхъ рѣкою. Болѣе примѣровъ можемъ представить для питья въ значеніи любви. Вода — дѣвица, женщина (см. ниже); хотѣть пить — жаждать любви: «Жедно момче гором јездијаше, Жедно воде, а жельно ѣвојке» (Срп. пјес. 416). «Що утата — лебедята летять до криниці. Прилетіли до криниці, не пили водици; Та йшовъ козакъ до дівчини, зайшовъ до вдовиці» (Метл. 53), т. е. какъ утки — лебеди прилетѣли къ водѣ, да не пили ее, такъ козакъ разлюбилъ дѣвицу, потому что шелъ къ ней, да не зашелъ. Менѣе выдержано сближеніе въ слѣдующемъ: «Чи се тая криниченька, що голубка